

**О РУБИНЫХ А. А., В. А. и Н. А.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

РУБИНА Анастасия Александровна, родилась в 1873. Вышла замуж за полковника царской армии Александра Рубина, в семье — сын Владимир и дочь Наталья, с марта 1920 — вдова, с 1929 — проживала на иждивении сына в Ленинграде.

РУБИН Владимир Александрович, родился в 1899. Окончил школу на станции Слюдянка. В 1918 — мобилизован рядовым в армию Колчака, дважды перенес сыпной тиф, лежал в госпитале, взят в плен красноармейцами. После освобождения работал в советском учреждении, в 1924 — переехал в Новосибирск, работал в городском и областном совете, с 1929 — начальник планового отдела кинофабрики "Ленфильма". 28 февраля 1935 — арестован, приговорен к заключению в лагерь и отправлен в Карлаг¹.

РУБИНА Наталья Александровна, родилась в 1903. Окончила среднюю школу в Иркутске, с 1919 — певица Иркутского оперного театра, с 1924 — певица Сибирского государственного оперного театра в Новосибирске, с 1929 — работала в радиоцентре и на эстраде в Ленинграде, с 1930 — работала в Бюро учета, затем на заводе.

В марте 1935 — мать с дочерью были высланы из Ленинграда в Атбасар Карагандинской области на 5 лет.

В марте 1936 — Наталья Александровна обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<7 марта 1936>

«Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Зная Ваше отзывчивое сердце, я обращаюсь к Вам с несколькими просьбами.

Первая — это сначала до конца иметь терпение и прочесть мое письмо.

Верно, Вам много пишут, а поэтому я и прошу Вас об этом.

Вторая — помочь мне, если вы сможете. Дело в том, что меня год назад выслали из г<орода> Ленинграда в г<ород> Атбасар (Казахстан) сроком на 5 лет, причем, произошло это как-то странно.

28 февраля 1935 г<ода> был арестован мой брат Рубин Владимир Александрович, проживавший вместе с матерью Анастасией Александровной Рубиной — мать находилась на иждивении брата. При аресте брата и матери была оставлена повестка на ее имя о явке в Оперод ЛО НКВД на допрос.

Мать была выписана только что из больницы им<ени> Мечникова (21/II 35 г<ода>) после тяжелой операции рака, и еще не могла двигаться, т<ак> к<ак> лежала, имея еще не зажившие швы на ране. Естественно, что явиться она не могла, и пришлось мне, ее дочери, жившей совершенно самостоятельно и отдельно (Лесной, Старо-Парголовский пр<оезд>, д<ом> 36/38, кв. 6), пойти в НКВД с ее повесткой и справкой о том, что она тяжело больна. На Фонтанке вместе с братом и матерью из-за жил<ищного> кризиса жила еще и дальняя замужняя родственница, кот<орая> в то время лежала в больнице при смерти от заражения крови при родах.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1468. С. 191-192.

Когда я явилась в НКВД с повесткой матери — у меня проверили мои документы и попросили подождать. А через некоторое время сообщили мне, что я с матерью высылаюсь в г<ород> Атбасар на 5 л<ет>. Естественно, что я спросила — за что? Мне сказали, что брат мой тоже будет отослан в Атбасар и что он знает и мне все расскажет. Брат мой в Атбасар не попал, а попал в Карлаг НКВД, а я с больной матерью, везя ее чуть ли не на руках, выехала в Атбасар. Долгое время я не могла добиться, за что я выслана. Потом мне сообщили, что выслана не я, а мать, как бывшая дворянка, и с нею 2 члена семьи. Из членов семьи с нею фактически только я, т<ак> к<ак> брата здесь нет, и мне в местном НКВД сказали, что его высылка в Карлаг, вероятно, ошибка, кот<орая> скоро выяснится, и он попадет сюда. На меня лично бумаг не пришло никаких, и кроме направления, по кот<орому> я ехала из Ленинграда, нигде мое имя не упоминается.

Немного позже мне сообщили, что та дальняя родственница, что оставалась в Ленинграде в больнице (комсомолка) Особым Совещанием НКВД (Москва) от ссылки освобождена. Эта родственника фактически и не была выслана, а когда она выздоровела, то, не уезжая из Ленинграда, она была освобождена от ссылки в самом Ленинграде, причем, ее и ее сына лечил врач, специально посланный из НКВД.

Видимо, тут произошло крупное недоразумение — путаница, кот<орую> я и прошу Вас разобрать. Видимо, брат и родственница и были теми двумя членами семьи, что приписаны к матери, но потом выяснилось, что родственница не имеет отношения, а пока это выяснялось — меня вписали чисто механически. Путевка на меня, обвинение на мать — брат в Карлаге — из обычной администр<ативной> ссылки получилось, что мы все трое высланы сами за себя, а никого у нас отдельно нет обвинений и причин на это.

Я подавала в июне 1935 г<ода> два заявления: одно в Особое Совещание, кот<орое> в пересмотре отказало, а другое т<оварищу> Вышинскому, но заявление к т<оварищу> Вышинскому и, вообще, в Высшую Прокуратуру не попало (знакомые отправлялись в Москву) и попало в Ленинградское НКВД, кот<орое> тоже в пересмотре отказало.

Кто я такая? Отец происходил из мещан Виленской губернии, путем долгих усилий выбился в офицеры. В Германскую войну стал полковником, вышел в отставку из-за инвалидности после серьезного ранения в Германскую войну, при приходе белых был мобилизован и был командиром тылового железнодорожного батальона при ст<анции> Слюдянка (Байкал), при взятии власти красными не эвакуировался с белыми, а остался на месте. Наравне с другими был арестован, но по хлопотам лично с ним работавшим пред<седателя> Ревкома т<оварища> Ржанова и других членов Ревкома был вскоре освобожден по Постановлению Чрезв<ычайной> Следств<енной> Комиссии (т<оварищ> Чудновский). Но во время пребывания в тюрьме заразился сыпным тифом и через несколько дней после освобождения умер (6 марта 1920 г<ода>). Таким образом, — я — всю свою сознательную жизнь (я родилась 6 мая 1903 г<ода>) — с 16 лет прожила отдельно, самостоятельно, работая, совершенно не завися от родных морально и материально, и выработав свою собственную независимую идеологию, не находясь под влиянием родных, т<ак> к<ак> они жили в Слюдянке, а я в г<ороде> Иркутске.

Лично я работаю с 1919 г<ода>, сначала как артистка-певица в Иркутском городском оперном театре, на Иркутской эстраде, была всегда общественницей, бесконечно выступала на бесплатных шефских концертах и пользовалась большой любовью у широких масс. В 1924 г<оду> я переехала в г<ород> Новосибирск, в Сиб<ирскую> гос<ударственную> оперу. Долго работала в 1-й Сиб<ирской>

широковещательной радиостанции. Работала активисткой при Отделе работниц и крестьянок, работала много и долго при клубе Штаба Сиб<ирского> Военного Округа (нач<альник> т<оварищ> Петин лично меня знает и может дать отзыв о моей работе). много разъезжала по Сибирским городам и селам с культурными концертами от Сибкрайкома, от Союза Рабис, от Радиокомитета.

В 1929 г<оду> я переехала в г<ород> Ленинград, где работала в Радиоцентре и на эстраде. В 1930 г<оду> по случае плохого заработка и призыва Облкомитета "Рабиса" о переквалификации — я через Союз же поступила конторщицей в Бюро учета пайщиков октябрьского Райкооператива, благодаря активной работе скоро выдвинулась и в 1931 г<оду> была откомандирована на зав<од> "Судолик", на должность зав<едующей> сектором мобилизационных средств. Благодаря моей работе и перевыполнению планов по паенакоплению, завод несколько лет держал переходящее красное знамя, кот<орое> так за ним и осталось. Много работала по рационализации учета, неоднократно получала большие премии, была на хорошем счету, считалась лучшей специалисткой своего дела, кот<орое> полюбила не меньше искусства. О моей работе можно навести справки в ЛПСО, на зав<оде> "Судолик", в октябрьском Райфо и др<угих> местах.

Итак, имея две специальности, как артистка и кооп<еративный> работник, обе высокой квалификации, в данное время я все же не имею работы, т<ак> к<ак> Атбасар город маленький и применить мне себя негде. Кроме того, я и мать больные люди, а здесь не имеется никакой специальной врачебной помощи, нет электричества, нет врачей-специалистов, кроме единственного хирурга, кот<орый> обслуживает весь район и крайне занят, вечно в разъездах.

У матери рак, кот<орый> по предписанию проф<ессора> Петрова должен долечиваться рентгеном, иначе возможно повторение. У меня — два серьезных заболевания — первое — глаз один (другой после 23 летней болезни был вынут в 1927 г<оду>) — зараженный от другого, теперь вынутого, и всю жизнь я была под еженедельным присмотром врачей-глазников, т<ак> к<ак> потеря второго глаза слишком возможна, благодаря заражению зрительных нервов <...>². Никакой из этих врачебных помощей мы получить не можем и, следовательно, к концу высылки я буду полным инвалидом и уже не смогу приносить государству никакой пользы, что, собственно, заполняло мою жизнь, а буду только обузой.

Сейчас я рискую просить Вас о помощи потому, что т<оварищ> Сталин на совещании с комбайнерами заявил сыну кулака, что "сын за отца не отвечает", и еще потому, что в Ц<ентральном> О<ргане> "Правда" от 7/II 36 г<ода> была статья Кольцова о бумажках, попадающих в личные столы, кот<орые> ни с того, ни с сего начинают вгонять честного человека-работника в гроб. Я могу про себя сказать, что, видимо, и в моем деле играет роль какая-то бумажка, хотя я никогда не скрывала, чья я дочь, и что брат мой, видимо, тоже в силу каких-то неверных сведений попал в Карлаг. При его аресте управдом сказал убежденно, что он белый офицер, —видимо, это так и пошло, хотя мой брат никогда им не был и не мог быть, т<ак> к<ак> родился в 1899 г<оду>. 19 лет он был мобилизован и служил рядовым солдатом. От белых вынес ужасные впечатления, т<ак> к<ак> его били офицеры, били по лицу, и оттуда он вышел убежденным "беспартийным большевиком", как говорит т<оварищ> Сталин. Дважды болел сыпным тифом и, заболев у белых, в больницу попал к красным, где сразу же стал работать. Всю жизнь работал, был на очень хорошем счету,

² Далее идет перечень и других болезней.

всегда был ударником, вечно был занят общественной работой, был членом Гор<одского> совета, два созыва был членом Президиума Обл<астного> комитета "Рабиса" (и то, и другое в г<ороде> Новосибирске). Последнее время работал начальником планового отдела ордена Ленина кинофабрики "Ленфильм" в г<ороде> Ленинграде. Его лично хорошо знает т<оварищ> Шумяцкий, кот<орый> может дать ему рекомендацию или характеристику. Много раз за рационализацию и ударную работу получал различные премии, часто крупные. Искренне преданный партии и правительству человек.

Все, что я пишу о себе и о брате можно проверить, я не выдумываю достоинства для того, чтобы убедить Вас, а прошу только о том, чтобы Вы помогли мне, чтобы мои заявления попали в пересмотр, прошу о том, что, если нельзя вовсе реабилитироваться, т<ак> к<ак> таков ход истории, то о том, чтобы мне дали возможность работать, работать честно и полезно, как работала до сих пор. Год прошел в безделье, если не считать попыток наладить здесь, затерянном и оторванном углу культурную работу. Мы, 20 человек актеров, организовали здесь драм<атический> театр, кот<орый> в главу угла поставил задачу — дать высококачественную художественную работу, дать местному малокультурному населению понятие о культуре, о настоящем искусстве. Но нам не давали вести плодотворную работу, нас трижды закрывали только потому, что местный драмкружок, не желая учиться у нас нашему мастерству, не выдерживал с нами конкуренции, т<ак> к<ак> ставил халтурные спектакли, абсолютно без всякой работы, готовя пьесу в 1-2 дня, бог знает из какого репертуара. И наши высококачественные спектакли, конечно, сделали свое дело — к ним не шли, а шли к нам. Тогда нас закрывали, чтобы на безрыбье и рак рыба — шли снова к ним, т<ак> к<ак> население жадно тянется к искусству. Местное НКВД хлопотало за нас, мы открывались вплоть до нового закрытия и т<ак> д<алее>. Все мы, профессиональные актеры, страстно любили искусство и работал не за деньги, а за и для искусства, т<ак> к<ак> город мал до смешного и до смешного мал был заработок — от 9 до 33 р<ублей> в среднем в месяц, но и нас не хватило нервов бороться, и многие из труппы, кот<орые> могли иметь будущее, стали хлопотать о переводах в другие места, и труппа развалилась. Я пишу Вам об этом, потому что у меня наболело, потому что мне дорого это дело культуры, потому что мы хотели даже в нашем положении внести свою посильную лепту в грандиозное строительство страны.

Мне бы надо было писать только о себе, а я пишу о другом, потому что это кричит во мне.

Мне сообщили из Москвы, с Ваших слов (были у Вас), что есть постановление, что в случае нахождения работы, особенно в Казахстане, не препятствовать переводу на эту работу в другие города. Я получила предложение на работу в концертно-эстрадном Бюро г<орода> Алма-Аты еще от 29 сентября 1935 г<ода> — подала заявление о переводе — и до сих пор не имею ответа.

Если нельзя реабилитироваться, если так нужно, — умоляю Вас помочь мне попасть в такой город, где бы я могла работать, где бы я и мать могли бы лечиться.

Матери сейчас 63 года, но Великая стройка захватила и ее и совершенно изменила ее идеологию.

Трудно писать об этом, Вы, верно, тысячами получаете такие письма, и все, честные и не честные уверяют Вас в своей честности.

Дайте мне и брату возможность доказать работой нашу преданность и честность, помогите нам в этом. Забыла указать — может быть, мой двоюродный брат может помочь нам, но он сейчас за границей и

связываться с ним я не рискую. Он — советский военный атташе в Берлине, Александр Григорьевич Орлов, обычно жил в Москве.

Простите за письмо — я волнуюсь, и из официального заявления перешла на частное письмо. И еще просьба — передайте мое заявление в Высшую прокуратуру так, чтобы там рассмотрели, т<ак> к<ак>, видимо, большая часть заявлений механически не доходит и попадает в Лен<инградское> НКВД. Простите, жду ответа.

Адм<инистративно> ссыльная Наталия Рубина.

7/III-36 г<ода>.

Мой адрес: Казахстан, Атбасар,
ул<ица> К<арла> Либкнехта, д<ом> 7, Н. Рубиной»³.

2 апреля 1936 — Наталье Александровне, по ходатайству Помполита, высылка была отменена, в мае она выехала в Ленинград, чтобы получить там паспорт и вернуть комнату. В сентябре 1936 — вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<3 сентября 1936>

«Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Рубиной Наталии Александровны,
Ленинград, Смоленская, 23, кв. 8

Заявление

Мы неоднократно обращались к Вам по делу моей матери, Рубиной Анастасии Александровны, 63 лет, сосланной в марте 1935 г<ода> из Лен<ингра>да в г<ород> Атбасар сроком на 5 лет. С нею была выслана и я — но постановлением Особого Совещания я была освобождена от 2 апреля 1936 г<ода>.

Моей матери сообщили из Прокуратуры, что ими приняты меры к замене ссылки на минус 15. Это было еще 14 августа, а дело начало разбираться еще 19 июля — прошло 2 месяца, а до сих пор нет никакого результата. На носу зима — а там 200 километров от жел<езной> дороги. Я обращаюсь к Вам — помогите мне, нельзя ли ускорить пересмотр дела? И, если нельзя мать мою освободить или дать минус 15, — то не можете ли Вы помочь мне тем, чтобы выхлопотать ей разрешение на перевод в г<ород> Вышний Волочек Калининской обл<асти>. Там я могу иметь квартиру, работу и лечение, в кот<ором> крайне нуждаюсь и я, и мать. Если мать останется в Атбасаре — это означает для меня смерть, как моральную, так и физическую, — в этом городке, с 2 т<ысячами> населения, без одного предприятия — абсолютно нет никакой работы, а там жить невероятно дорого из-за полного отсутствия местного топлива (кругом степь, дрова привозят за 60-100 километров — Вы сами поймете, какая цена на них). Значит, снова голод, холод, безработица. И, кроме того, отсутствие лечебной помощи, единственный там врач Петров не принимает ссыльных (это по отношению к моей матери), а мне у него не лечиться из-за того, что я пожаловалась на его неправильные действия в НКВД — он готов меня угробить, а не то, что лечить. А в лечении я нуждаюсь крепко. Кроме того, и в основном — труд и производительность труда — я хорошая и энергичная работница, остаюсь там без работы, без средств к существованию, а без работы, без пользы, пусть маленькой, но

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1468. С. 194-202. Автограф.

все же пользы, кот<орую> могу приносить я социал<истическому> государству, немислима моя жизнь.

Мать моя слаба и нетрудоспособна абсолютно, не может обслужить даже сама себя — я прилагаю справку из Ленингр<адского> онколог<ического> института и последнюю, из Атбасара, от комиссии, ту самую, через кот<орую> мне пришлось обратиться в местное НКВД с ходатайством, чтобы осмотрели мою мать, т<ак> к<ак> д<окто>р Петров снимал мою мать с комиссии уже дважды. Этого достаточно, чтобы понять, что я не вру, говоря о слабости моей матери.

Убедительно прошу не отказать мне, поторопить дело матери, попросить разрешения ей выслать в г<ород> В<ышний> Волочек и — ответить мне, в каком состоянии обстоит дело сейчас — возможно, есть уже и результаты — прошло 2 месяца.

А. Рубина»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1468. С. 191-192. Автограф.